

ЦВЕТЫ ЗЛА

ТРИЛЛЕРЫ

О ГЕНИАЛЬНЫХ

МАНЬЯКАХ

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РОДРИГО
КОРТЕС

ПАЦИЕНТКА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Оформление *Сергея Курбатова*

Иллюстрация на переплете *Александра Соловьева*

Кортес, Родриго.

К69 Пациентка / Родриго Кортес. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Цветы зла. Триллеры о гениальных маньяках Средневековья).

ISBN 978-5-699-88667-8

Работник автозаправки Салли не может совладать с собой. Сунув бритву в карман, он идет очищать мир от скверны — ловит и истязает проститутку. Мирная домохозяйка Нэнси тоже не может совладать с собой — она заложница своих бредовых авантюр, ей не по нраву спокойная размеренная жизнь. Нэнси ворует в магазинах, стреляет в экспозициониста, замысливает ограбление... Судьба распорядилась, чтобы маньяк и авантюристка стали непримиримыми врагами. Подчиняясь своим диким порывам, они начинают охотиться друг на друга...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88667-8

© Кортес Р., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Салли не везло уже второй месяц. С середины февраля 1968 года он каждый божий день аккуратно перепроверял все свое снаряжение — шило, тщательно отточенную опасную бритву из хорошей немецкой стали, кусок скользкой нейлоновой веревки с крупными узлами на концах, прочный полиэтиленовый пакет — и старательно укладывал все на свои места: шило под сиденье водительского кресла, веревку и пакет в бардачок, а бритву под старый резиновый коврик с пассажирской стороны автомобиля. Его пусть и небогатый, но впечатляющий опыт говорил, что ангел мщения должен быть готовым ко всему.

Эти шлюхи и впрямь порой вытворяли такое, что расскажи кому — не поверят. Уже самая первая его... еще дома, в Миннесоте, — Салли болезненно крякнул, таким ярким было воспоминание, — даже она — пьяная вдрызг, едва до нее дошло, что греха между ними не будет и вот-вот придется платить по счетам, мгновенно протрезвела, разбила пивную бутылку и совсем коротким — не больше трех дюймов — горлышком порезала Салли и грудь, и руки, да так основательно, что врачам пришлось наложить восемнадцать швов.

— Шлюха вавилонская... — пробормотал Салли и промокнул рукавом взмокший лоб.

Он потом специально ездил на это место, но понять, обо что эта тварь умудрилась разбить крепкую, как деревянная колотушка, бутылку, так и не сумел. Куда ни пойдешь, всюду земля на веселенькой, густо заросшей цветами поляне была удивительно мягкой, без единого камня или корня.

Вторая — а это было в Нью-Джерси, — уже с шилом в спине и полиэтиленовым пакетом на голове, как-то успела захватить ему ногтем в правый глаз, и с тех самых пор глаз постоянно слезился и болел.

И только с третьей, уже в Канзасе, господь вмешался и явил свою силу. И вот тогда все прошло как надо. Салли настолько заморочил ей голову, что даже когда он вытащил эту дуру из машины и бросил на четвереньки, она все еще думала, что это — продолжение игры.

Нет, потом, конечно, были и слезы, и крики, но наступил миг, и даже этой глупенькой шлюхе стало понятно, с кем она имеет дело... И вот тогда она сделала все, что он только мог вообразить: выла на луну, изображала из себя маленькую, но очень резвую пони и даже лизала ему ботинки — лишь бы пожить еще...

Салли прищурился и затаил дыхание, удерживая вспыхнувшую перед его мысленным взором картинку, но сзади отчаянно прогудел грузовик, и он вздрогнул, резко вывернул руль и прижал автофургон к обочине.

После этой третьей — самой лучшей — везение как отрезало! Салли ничего не понимал, господь словно потерял к нему всякий интерес, и бабы не только отказывались садиться в его машину, они даже не подходили к нему! Стоило Салли ущипнуть какую-нибудь девку за попку или сказать подходящий случаю комплимент, как она или закатывала истерику, или, еще хуже, окидывала сверху вниз таким уничижающим взглядом, что ему становилось нехорошо.

Салли был терпелив и настойчив. Он долго и упорно молился, а затем переехал в Хьюстон, штат Техас, и устроился на работу на самое лучшее место, какое нашел, — на автозаправку.

Здесь этих чертовых шлюх останавливалось без счета — выбирай любую! Да и хозяин, молчаливый, коричневый от загара грек, против регулярных вечерних отлучек самого безотказного своего работника не возражал. Но масть не шла — этих блудливых девок буквально выворачивало наизнанку после первого же его слова.

Но и тогда Салли не сдался. Он аккуратно записал за механиками и наизусть выучил восемь самых интересных анекдотов — почти на каждый случай. Он выбегал к каждой останавливающейся на заправке машине, успевая и протереть стекло, и подкачать спустившее колесо, и принести из хозяйского магазинчика заказ — вдвое быстрее, чем кто-либо еще. Он вызывался лично и совершенно бесплатно показывать дорогу заплутавшим. Он выучился надежно прятать свои истинные чувства и выглядеть таким, как надо, — хоть вежливым, хоть развязным... и даже крутым, — они ведь любят крутых. Без толку!

Он опустился до того, что часами мотался по дорогам, забирался аж в Сан-Атонио и даже еще дальше и все свободное время дежурил возле тамошней кондитерской фабрики, выглядывая тех, кто опоздал на автобус, или задержавшихся на извечной сверхурочной работе колумбиек и пуэрториканок. И все равно, каждый раз, едва очередная девка, отозвавшись на его зазывную шутку, заглядывала вначале в машину, а затем в его глаза, происходило одно и то же: дверка захлопывалась, а проклятая шлюха презрительно разворачивалась к нему своим грешным задом.

Второй месяц! Бог мой! Уже второй месяц подряд господь не посылал ему ни одной чертовой шлюхи...

Автофургон завершал шинами по бетонке и ткнулся колесами в бордюр — так резко, что Нэнси едва успела отскочить.

— Садись, крошка, подвезу!

Нэнси вспыхнула, презрительно фыркнула, но на всякий случай огляделась по сторонам и, само собой, кроме себя — крашеной блондинки тридцати двух лет, — ни единой «крошки» в пределах видимости не обнаружила.

Дверца фургона заскрежетала и распахнулась.

— Ну? Прыгай!

Голос был ненатурально жизнерадостный и какой-то натушный. Нэнси секунду помедлила, с независимым видом тряхнула волосами и все-таки склонилась к приоткрытой дверце. Водитель оказался грузным, рыхлым парнем с беспрерывно бегающими водянистыми глазами и странными шрамами на обеих кистях. По спине у Нэнси пробежал противный холодок.

— Вы — меня?..

Водитель дружелюбно, как для фотографии, оскалился и хитро подмигнул.

— А кого еще здесь можно... подвезти?

В лицо Нэнси бросилась кровь. Бог свидетель, ей это практически непристойное лихачество в мужчинах никогда не нравилось. Она снова огляделась по сторонам. Белое в сиреневых весенних сумерках шоссе было пустынным.

— Давай, крошка, садись, лучше меня все равно не найдешь! — то ли прогоготал, то ли прокудахтал водитель и два-три раза призывно газанул.

Нэнси поджала губы, прижала сумочку к животу и все-таки втиснулась в пыльный салон. До следующего автобуса оставалось еще часа полтора, и торчать на остановке все это время не хотелось.

Парень кинул на нее быстрый оценивающий взгляд, клацнул рукоятью передач и сразу же утопил педаль газа до упора. Машина рванулась вперед, Нэнси вжало в сиденье, а в ее животе возник маленький горячий комок, — она уже чувствовала, насколько гадкие ощущения вызывает эта ковбойская манера езды.

— А я тебя здесь раньше не видел! — перекрывая рев старого двигателя, почти прокричал водитель. — Где работаешь? На кондитерской?

Нэнси, уклоняясь от ответа, мотнула головой и с тревогой прислушалась к себе. Внутри все буквально пульсировало от нехороших предчувствий.

— Я-то здешних всех знаю! Особенно таких, как ты — блондиночек! — вновь прокричал водитель и плотоядно усмехнулся. — И с кондитерской, и с табачной! Меня Салли зовут, а тебя?

Нэнси отвернулась и, чтобы не видеть этой мерзкой усмешки, прикусив губу, уставилась в окно. Мимо неслась бескрайняя, покрытая редкими пятнами весенней травы равнина.

— Чего такая злая?! — все с тем же натужным ухарством поинтересовался водитель, на секунду задумался и словно вспомнил, что нужно сказать: — Или муж давно не залазил? Го-го-го!

«Кретин!» — стараясь не слушать неприятный кудахчущий смех, подумала Нэнси.

— А ножки-то у тебя ничего!

Нэнси вздрогнула, оторвалась от созерцания вида за окном и уставилась на свои бледные, подрагивающие от напряжения колени. Она изо всех сил старалась не вникать в то, что почти безостановочно говорит водитель, но сама же понимала, что этим от его навязчивого внимания не отделаться. А он все говорил и говорил. Рассказал такой же мерзкий, как он сам, анекдот, затем

поведал о том успехе, которым он пользуется, и в конце концов парня окончательно понесло.

— Мне бабы так и говорят: у тебя, Салли, инструмент — дай бог каждому! — как сквозь туман донеслось до нее. — Кто раз попробует, уже другого не захочет!

Нэнси вжалась в сиденье. Горячий комок переместился вверх, в самый центр груди, а сердце колотилось, как маленький отбойный молоточек.

— Ни одна в претензии не осталась!

Нэнси сжала сумочку еще крепче, так что побелели пальцы, как вдруг машина подпрыгнула и нырнула в кювет, Нэнси прижало к грязной, залапанной дверце, а линия горизонта накренилась и поползла влево и вверх.

— Тебе понравится! — пересиливая грохот мчащегося по бездорожью старого металла, возбужденно хохотнул водитель. — Обещаю!

По спине у Нэнси промчалась мощная ледяная волна, и нервный озноб заполнил ее всю — от взмокшего под линией прически лба до кончиков пальцев на ногах. А потом съехавший с дороги автофургон резко встал, и наступила такая тишина, что Нэнси отчетливо услышала ворчание перегретой воды в старом радиаторе — там, впереди — и биение крови в своих висках.

Парень издал мерзкий чмокающий звук, щелкнул ключом зажигания, и в кабине воцарилась тьма.

— Ну что, позабавимся? — властно положил он руку на ее колено.

Во рту у Нэнси моментально пересохло, а держащие сумочку руки мелко затряслись.

— Иди ко мне... — пододвинулся парень. — Тебе понравится.

Нэнси покрылась испариной, а по всему телу — снизу вверх — промчался горячий пульсирующий вал. Она с усилием глотнула и, уже чувствуя шарящие под юбкой

большие влажные ладони, вдруг вспомнила свою давнюю подругу Бетси.

В голове сразу прояснилось. Нэнси сунула руку в сумочку, нащупала металлический футляр губной помады, судорожно выдернула его и сунула парню под ребра.

— Не стоит, Салли... пристрелю.

Парень приостановился и недоуменно хмыкнул.

— Не понял. Ты чего?.. Чего это?

«Неужели поверит?»

Нэнси облизнула пересохшие губы и медленно, почти по слогам произнесла:

— Это «беретта», Салли... И я скажу... что это... была самооборона. Ты все понял?

Кромешная тьма не позволяла ей увидеть его лицо, но запущенные под юбку большие сильные руки мгновенно отдернулись назад.

— Ты чего, совсем, что ли, спятила? — осипшим от испуга голосом спросил парень. — Уж и пошутить нельзя? — Нэнси дождалась, когда он отодвинется, быстро сунула руку в сумочку и развернулась к нему вполоборота — так, чтобы доньшко спрятанной внутрь сумочки губной помады смотрело прямо ему в бок.

— Заводи машину, Салли.

Водитель шелкнул ключом зажигания, в кабине вспыхнул неяркий свет, и Нэнси увидела, как по его одутловатым, а теперь еще и белым как снег щекам градом катится пот.

— Вот ненормальная... шуток не понимает...

— Выезжай на дорогу и вперед, — хрипло распорядилась Нэнси.

Парень бросил в сторону сумочки панический взгляд, по-детски обиженно шмыгнул носом, клацнул рукояткой передач, и машина вздрогнула и поползла обратно к дорожному полотну. А Нэнси прислушалась к себе и отметила, что охватившее все ее существо тор-

надо эмоций стремительно сворачивается до размеров уходящей из умывальника водяной воронки.

«И что теперь? Сдать в участок? — пронеслось в голове. Она исподтишка глянула на водителя; тот все еще был напуган и вращал баранку с отчаянием обреченного на казнь. — Нет, пожалуй, не стоит...»

Автофургон с ворчанием выбрался на дорогу и, дребезжа старым разболтанным железом, помчался вперед. Нэнси тихонько вздохнула и украдкой смахнула неожиданно-негаданно выступившую слезу.

* * *

Впервые она попала в подобную ситуацию как раз вместе с Бетси — еще когда училась в старших классах, в 1953 году. Ей тогда было семнадцать, ее подруге — на полгода больше, но сообразить, что садиться в машину к двум празднующим свое возвращение с далекой корейской войны сержантам не стоит, ни той, ни другой ума не хватило. Они казались такими... надежными.

Ребята и впрямь выглядели старше и серьезнее своих сверстников, а поблескивающие на мундирах одинаковые медали и вовсе ставили их в один ряд с героями Гражданской войны и прочими отцами нации. Но когда вино было выпито, бутерброды съедены, а увезенные к реке девочки тем не менее к большему, чем флирт, оказались не готовы, все переменялось — в один миг.

— Сука! — озверел тот, что выбрал себе Бетси, и сердце у Нэнси сжалось. — Шлюха! А ну-ка иди сюда, дрянь!

Бетси сопротивлялась, и он с размаху ударил ее растопыренной ладонью в лицо, схватил за треснувшую на спине блузку и волоком потащил прочь, к зарослям терна. Нэнси удивленно моргнула, проводила их недоумевающим взглядом и резко развернулась к «своему»:

— Майк! Ты чего сидишь?! Смотри, что он делает!

— Сами разберутся, — недобро усмехнулся Майк, и до Нэнси вдруг дошло, что и ее ждет то же самое.

Кожа на ее голых по весеннему времени руках покрылась мурашками, мелкие светлые волоски поднялись дыбом, и едва она осознала, что абсолютно не понимает, что следует делать, как заросли терновника дрогнули и оттуда появилась Бетси... и ее «ухажер».

Крепкий, как дерево, коричневый от корейского солнца ветеран двинулся к ним... на коленях — шаг за шагом... шаг за шагом. А залитая текущей из разбитого носа кровью Бетси одной рукой держала его за выгоревший чуб, а второй плотно прижимала к веку чайную ложечку — ту самую, которой только что ела десерт.

— Ключи! — срывающимся на плач истерическим голосом потребовала Бетси. — Быстро! Отдай моей подруге ключи!

— Ты чего, сдурела? — привстал Майк. — А ну, отпусти его!

Бетси стиснула зубы и легонько нажала ложкой на веко.

— А-а-а! С-стерва! — заорал заложник. — Отдай ей ключи, идиот! Ты чего, не видишь?!

Майк судорожно полез в карман. Вытащил ключи от машины и швырнул их на расстеленное на траве покрывало.

— Нэнси! Хватай ключи и быстро в машину! — визгливо приказала Бетси и зло пихнула заложника в спину коленом. — А ты только дернись, гад!

— Отпусти-и, стерва! — застонал тот.

Нэнси схватила ключи, метнулась к машине, дважды упала и все-таки забралась внутрь. Трясущимися руками завела, настезь распахнула вторую дверцу для Бетси и, едва та отпихнула от себя парня и запрыгнула на сиденье, отпустила тормоз.

— Сте-ервы! — заорал им вслед сержант. — Я вас из-под земли достану, шлюхи-и...

Нэнси показалось, что ее сердце колотится где-то в горле.

Лишь когда они отъехали мили на полторы, она поверила, что все закончилось. Остановила машину возле моста, и вот тогда начался «акт второй». Лихорадочно дрожащая Бетси пошарила в бардачке, отыскала огромную тяжелую отвертку, мстительно вырвала из панели роскошный радиоприемник, а затем начала терзать и крушить все вокруг — от кожаных сидений до лобового стекла.

— Будут знать, с кем связались, недоноски! — сквозь зубы процедила она. — Они меня еще попомнят!

А потом крушить стало нечего, и Бетси выронила отвертку и заплакала, а Нэнси поймала себя на странном, двойственном ощущении — глубокой благодарности этой сумасшедшей девчонке и необъяснимого сожаления, какое бывает, когда тебя вытаскивают из зала посреди сеанса невероятно захватывающего кинофильма.

* * *

На подъезде к маленькому городку со странным названием Сегин водитель начал помаленьку сбрасывать скорость и — Нэнси видела это — стал понемногу отходить. Толстые волосатые пальцы уже не сжимали руль до побеления костяшек, а на лбу даже появились напряженные, выражающие сосредоточенность морщины. Но главное, он уже два или три раза порывался нарушить молчание... и каждый раз не решался.

«Да, я тогда здорово сожалела... — снова вспомнила свои чувства пятнадцатилетней давности Нэнси и едва удержала мечтательную улыбку. — Все, Нэнси! Хватит!

Не заводись! Как бы о чем другом пожалеть не пришлось...»

Она отметила взглядом первые уличные фонари, затем — первую городскую заправку, а когда впереди показались первые дома, подрагивающей от напряжения рукой развернула зеркальце заднего вида к себе и все-таки достала из сумочки зажатую в пальцах губную помаду.

Боковым зрением Нэнси видела, как он дернулся, когда она стала вытягивать спрятанную в сумочке руку.. и это было необыкновенно приятно. Едва коснувшись губ и сделав вид, что на этом ее макияж закончен, Нэнси с удовольствием отметила, что впереди оказался полицейский пост, повернулась к водителю и, едва сдерживая чувственную дрожь в голосе, через силу улыбнулась.

— Что, испугался, Салли?

Водитель поджал губы и, сосредоточенно глядя вперед и как бы ничего не слыша, моргнул.

— Не было никакого пистолета, Салли, — набравшись духа и как можно язвительнее улыбнувшись, покачала она головой. — А ты... сразу назад... Разве так можно?

Салли еще раз моргнул, а потом как-то весь, от шеи до педали газа, напрягся и начал быстро наливатьсь кровью. Но выдать слова из себя пока не мог.

— Правильно, Салли, — удовлетворенно кивнула Нэнси. — Я бы на твоём месте тоже помалкивала. Обделался, как мальчишка!

Салли невнятно рыкнул и тут же смолк и густо покрылся бисеринками пота. Он тоже увидел дорожный полицейский пост впереди и мгновенно сообразил, что сейчас не место и не время обижаться. Тем более что полицейский уже властно поднял жезл, приказывая остановиться.